
ИСТОРИЯ

УДК 94 (4)
ББК 63.3 (4)
М 26

С.П. Маркова,

*кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории
Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел. 8(8772) 57-13-24*

У истоков европейского университетского образования

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются условия, вызвавшие мощное учебно-научно-культурное движение, которое обнаружило себя в Западной Европе на рубеже XII-XIII вв. и привело к возникновению университетов, ставших прообразом современной системы высшего образования. На материалах источников и специальной литературы анализируется процесс возникновения первых, самых древних университетов Европы, — Болонского и парижского, по образцу которых создавались все последующие.

Ключевые слова: studium generale; аббат; епископ; землячества; канцлер; корпорация; лицензия; монастырские, епископальные, городские школы; папские буллы; папский легат; семь свободных искусств; схоластик; магистры; университет; университеты ультрамонтанов и цитрамонтанов; школяры.

S.P. Markova,

Candidate of Historical Sciences, Professor of General History Department, Adyge State University, Maikop, ph. 8 (8772) 57-13-24

At sources of the European University education

Abstract. This paper sheds light on the conditions which have caused powerful educational, scientific and cultural movement in Western Europe at a boundary of the 12th and 13th centuries and led to emergence of the universities which have become a prototype of a contemporary system of the higher education. Using the sources and special literature the author analyzes the process of formation of the first, most ancient European universities of Bologna and Paris similarly to which all the subsequent universities were created.

Keywords: studium generale; abbot; bishop; friendly association of people from the same area; chancellor; corporation; license; monastic, episcopal, city schools; papal bulls; papal legate; seven free arts; scholastic; masters; university; universities of ultramontanes and zither montanes; school children.

Современная система высшего образования Европы начиналась со средневековых университетов, которые стали возникать на рубеже XII-XIII вв. К концу XV в. их было уже более 80. Условий, которые вызвали и обеспечили это мощное учебно-научно-культурное движение, несколько. На первое место следует поставить бурный рост городов, который пришелся на X-XIII вв. Город, становящийся центром ремесла и торговли, отличался от окру-

жающей его феодально-поместной организации жизни, от деревни, по количеству, составу, занятиям населения, по социально-политической структуре, по застройке, образу поведения жителей, по культуре. Только такая среда могла обеспечить основание для существования корпораций интеллектуалов, то есть людей, занятых умственным трудом, для деятельности учащихся и учащихся, которых следовало расселить, накормить, обеспечить помещениями

и всем необходимым для занятий (книгами, одеждой, пергаментом, свечами и т.п.). Именно городу как месту обитания обязаны университеты своим появлением и развитием.

Существенную роль в деле возникновения университетов сыграла королевская власть, которая по-своему поощряла ход этого процесса, поддерживала создающиеся учебные объединения и даже сама их создавала. Надо иметь в виду, что с XII в. в европейских странах под влиянием роста городов и появления товарно-денежных отношений, товарного производства стала нарушаться хозяйственная замкнутость территорий, стали складываться условия для их экономического и политического единства, началось движение к государственной централизации и усилению королевской власти. Формирующемуся государственному аппарату управления были нужны специалисты — управленцы: легисты (знатоки законов), финансисты, просто грамотные, образованные люди. Прежняя система управления, основанная на вассальной службе феодалов сюзерену — королю, должна была отступать. Ей на смену приходила служба оплачиваемых, обученных чиновников, которые, как правило, были выходцами из небогатых сословий. Образовывать, учить таких людей должны были специальные учебные заведения, которыми и стали университеты.

Важным фактором, положительным образом повлиявшим на возникновение западноевропейских университетов, была позиция и роль церкви и римского папы в этом процессе. С середины XI в. в католической церкви идет знаменитая григорианская реформа, завершившаяся установлением системы папской теократии. В XII-XIII вв. папство оказалось в зените своего могущества. По сути впервые создается единая католическая церковь во главе с папой. Она организует крестовые походы, добивается от многих европейских монархов принесения вассальной присяги, уплаты подати в пользу римской курии («динария св. Петра»), вмешивается во внутренние дела государств, использу-

ет для борьбы со своими противниками самые разные средства, такие как индигт, отлучение от церкви и даже лишение престола. Создается институт папских легатов, которые контролировали не только церковь, но во многом и светскую власть. Папа Григорий VII и его преемники выработали доктрину папской теократии, основным смыслом которой было утверждение, что папство обладает как высшей духовной, так и высшей светской властью. На формирование и развитие этой доктрины работал весь штат римской курии. Для ее поддержания и совершенствования нужны были новые кадры хорошо подготовленных теологов. Роль университетов с их обязательными теологическими факультетами в реализации григорианской реформы чрезвычайно велика.

Наконец, важнейшим условием возникновения университетов стало естественное развитие школьного образования, возрожденного в период Карла Великого после долгих десятилетий упадка со времени Великого переселения народов. В эпоху так называемого «Каролингского Возрождения» при монастырях и соборах создаются школы, в которых обучение строит по античной системе «семи свободных искусств». Если монастырские школы воспитывали учеников для нужд монастырей, оставляя их в монастырях учителями, писцами, счетоводами, то епископальные соборные школы готовили учеников для церковной и гражданской карьеры в разных местах. С XII в. в городах начинают возникать городские, по сути внецерковные школы, готовившие грамотных людей для нужд городского управления и участия их в торгово-промышленных операциях. Но и эти школы оказывались связанными с церковью, во-первых, потому что преподававшие в них учителя были клириками (откуда же было взяться учителям как не из церковной среды), во-вторых, потому что они должны были получать разрешение на преподавательскую деятельность у епископов и аббатов, на территории которых находились школы. XII — начало

XIII вв. — время активного развития всех типов школ, которые стали фундаментом для возникновения большинства университетов.

Современное толкование понятия «университет» не идентично тому представлению, которое вкладывали в него в Средние века, то есть тогда и там, когда и где это понятие появилось. Термин «университет» стал активно использоваться в период, о котором мы ведем речь, для обозначения любого организованного союза людей, называвшего себя и другими способами — корпорация, братство, коллегия, гильдия, коммуна. Надо заметить, что в Средневековье существовало два варианта объединения людей: одно — основанное на сеньориально-вассальных связях, второе — объединение равных людей, приносящих присягу верности друг другу и своему братству. Вторым вариантом и есть «университет». Латинское слово «universitas, atis» означает «совокупность, всеобщность, целостность». Университетом могли называться городские объединения, корпорации ремесленников, гильдии купцов. Такие корпорации по форме были идентичными: они собирали общие собрания, подчинялись выработанным этими собраниями правилам поведения и организации своей деятельности (статутам), имели определенным образом организованную систему обучения своих членов — ученик, подмастерье (бакалавр), мастер (магистр). Корпорации, гильдии, братства, университеты добивались и получали со временем юридический статус. С развитием системы высшего образования термин «университет» постепенно закрепляется только за одним типом корпораций, а именно за корпорациями, создаваемыми для конкретной цели — для обучения со всеми соответствующими такому объединению характеристиками.

Долгое время в Средние века корпорацию «университет» как объединение людей, занятых учебным ремеслом, отделяли от самой школы, где занимались преподаванием. Эту школу называли «studium generale», то есть всеобщий центр науки и образования (лат.

studium — старание, усердие, рвение, изучение, научные занятия; generalis — всеобщий, общий). Название «всеобщий» имело в виду не то, что в этой школе преподавались все известные науки. Таким образом этот центр преподавания противопоставлялся частным, местным школам. «Генеральная школа» предназначалась для учителей и учащихся всех наций, для приобретения в ней знаний и сертификатов о полученных знаниях, которые должны были признаваться во всех высших школах западного христианства. Получивший ученую степень в «генеральной школе» получал право учить в любой другой генеральной школе (facultas docendi ubique terrarum). Когда речь шла об учреждении университета, о получении грамоты на его инкорпорацию, употреблялось выражение «studium generalia», а не «universitas». Примерно с XIV в. стали использовать по отношению к университету и эпитет «alma mater» (лат. «питающая, благодетельная мать»).

Каждый европейский университет имел свою историческую судьбу, прошел свой путь становления. Но всегда создание университета закреплялось юридически — папскими буллами (чаще всего) или грамотами монархов. Поэтому все университеты имеют конкретную, четкую дату рождения, кроме самых первых — Болонского и Парижского, которые складывались постепенно, долгими десятилетиями. Эти университеты, по образцу которых возникали все последующие, не имели грамот, юридических актов, удостоверявших их создание, ни от пап, ни от королей. В 1988 г. очень громко и торжественно отмечалось 900-летие университета в Болонье, хотя в связи с фактом его образования называют (и не без основания) иные даты, не только 1088 г., но и 1158 г., 1217 г., 1291 г. Датой основания Парижского университета чаще считают 1200 г., но с не меньшим основанием в качестве таковой могут быть названы 1209 г., 1215 г., 1231 г.

Принято считать, что первым и самым древним европейским университе-

том является Болонский. История его рождения — процесс длительный и не во всем ясный. В более поздние времена, когда стали создавать историю западноевропейских университетов, правоведы Болоньи высказали мнение, что болонская школа правоведения ведет свое начало от византийского императора Феодосия II (401-450). Конечно, эта позиция должна быть определена как искусственная натяжка, нужная для придания Болонскому университету ореола особой древности и значимости. Наиболее достоверна и распространена такая точка зрения. В школах Болоньи в XI в. преподавали, как и всюду, «семь свободных искусств», особенно популярными среди которых были диалектика и риторика. Со временем некоторые преподаватели этих дисциплин стали специализироваться на преподавании римского права. Первым среди них называют Ирнерия. Известно о нем не очень много. Не сохранилась дата его рождения, дата смерти определяются промежутком между 1125 и 1140 гг. Он был гражданином Болоньи и поначалу преподавателем диалектики и риторики. Некоторые исследователи предполагают, что Ирнерий какое-то время изучал римское право в Константинополе, где, как известно, императором Юстинианом в первой половине VI в. был создан знаменитый «Кодекс гражданского права». Ирнерий участвовал в качестве императорского судьи в судебных заседаниях и исполнял разнообразные поручения императора Священной Римской империи. Приглашение Ирнерия на службу к императору Генриху V, как считают некоторые историки, состоялось в середине 80-х гг. XI в. В связи с этим он взялся за глубокое изучение римского права по варианту «Кодекса Юстиниана», намериваясь положить в управленческую практику точное выполнение положений римского права. Это событие многие историки и юристы и принимают за начало Болонского университета, относя его к 1088 г. Считать его началом университета вряд ли правильно. В лучшем случае этот год можно назвать началом «studium generale», ко-

торая поставила задачу скрупулезного изучения «Свода гражданского права», комментирования (составления глосс) его текста. В литературе и словарях конца XIX — начала XX вв. Ирнерия часто называют основателем Болонской школы глоссаторов, преподаватели которой, ученики Ирнерия, завершили работу по формированию системы преподавания римского права [1].

Успеху Болонской школы содействовали, кроме личности Ирнерия и деятельности его последователей, благоприятные естественные условия города — сравнительно холодная и комфортная для занятий зима, близость гор, которые приносили прохладу в жаркие летние дни, плодородные земли, дававшие обильный урожай овощей, винограда, фруктов. Болонья, как известно, занимает выгодное положение на пути из Северной Италии в центральные и южные районы страны. В начале XII в. город добился статуса городской коммуны, став важным ремесленно-торговым центром в связях Италии с заальпийской Европой.

Появлению и развитию высшей юридической школы в Болонье, как и в других итальянских городах-республиках, способствовала специфика городской жизни в стране. Города-коммуны с консульским правлением, возникавшие на рубеже XI-XII вв. в десятках городов Северной и Средней Италии, к концу XII в. превратились в самостоятельные городские республики, города-государства, со своим законодательством и администрацией, с собственным войском, правом чеканить монету, вести собственную внешнюю политику. Реальное отсутствие центральной государственной власти в стране формировало постоянную нужду в юристах для выработки статутов, определения структуры администрации, для верного ведения внешней политики. Без квалифицированных правоведов итальянским городам-государствам обойтись было нельзя. Другие отрасли знаний в Болонье, как и в прочих итальянских городах и их университетах, не получили большого развития, кроме канонического права. Причем, с сере-

дины XII в. каноническое право стало рассматриваться и преподаваться как отрасль не теологии, как в других европейских университетах, а юриспруденции, параллельно римскому праву. Других отраслей в юриспруденции, кроме римского и канонического права, не знали ни Болонский, ни остальные средневековые университеты.

В XII в. императорам династии Гогенштауфенов и особенно Фридриху I Барбароссе в его борьбе за Италию с папой римским и североитальянскими городами было необходимо опереться на римское законодательство, изучение и преподавание которого он поощрял. Во времена Фридриха I (1152-1190) в Италии и Германии было хорошо известно, что получение полного знания римского права по подлинным источникам возможно только в Болонье. Именно туда и отправлялись группы учащихся со всех стран Запада.

Одним из первых официальных документов, свидетельствующим о существовании в Болонье в XII в. высшей школы и давшим ей ряд важных привилегий, была грамота Фридриха I Барбароссы от 1158 г., известная как «Authentica Habita» [2]. Словом «authentica» средневековые юристы называли всякую новеллу, то есть «новый, изданный после «Кодекса Юстиниана» императорский закон. «Habita» — начало текста грамоты Фридриха I. (Надо заметить, что законы императоров и буллы пап назывались по первому слову или первым словам документа). Предысторию издания грамоты историки рассказывают так. В 1155 г. император во время своего очередного похода в Италию оказался в Болонье. Зная о школе права в городе, он обратился к школярам и магистрам с вопросом о том, каковы их взаимоотношения с горожанами, не обижает ли их город. На вопрос императора они ответили, что живет им неплохо, но все-таки они просили бы государя взять их под свое покровительство, что и было сделано принятием в 1158 г. на знаменитом Ронкальском рейхстаге «Authentica Habita».

Документ интересен по ряду причин. Во-первых, он свидетельствует,

что в это время в городе не только существовала высшая школа права, но уже в первой половине XII в. школяры из разных стран были объединены в землячества. Это давало основание горожанам Болоньи арестовывать любого школяра за долги своего земляка. Императорский грант реагирует на такие акции города следующим образом: «Мы постановили этим общим законом, который должен иметь силу на вечные времена, чтобы никто не осмеливался задерживать школяров с целью нанесения им какой-либо обиды и чтобы никто не причинял им убытка из-за долга другого лица из той же провинции, что, как мы слышали, иногда случалось из-за дурного обычая» [3]. «Дурной обычай», о котором говорит грамота, — право репрессалий, — то есть коллективной ответственности лиц, происходящих из одной страны; для студентов «право репрессалий» проявлялось в практике ареста за долги и проступки любого, кто принадлежал к землячеству должника.

Во-вторых, грамота свидетельствует, что в Болонской высшей школе в середине XII в. было достаточно много студентов, поэтому они делились на землячества. В-третьих, интересно замечание документа о покровительстве наук со стороны светской власти: «Мы с особой любовью, — говорит император, — будем защищать всех тех, чьей ученостью украшается мир, чьи усилиями жизнь наших подданных направляется к почитанию Бога и нас, его слуг». В-четвертых, говоря о попечительстве властью учащихся и учащихся, документ рисует картину того, как студенты искали и находили нужную им школу и профессиональных учителей, каким лишениям подвергали себя, на что обрекали ради любви к наукам: «Имея постоянное попечение о всех учениках, которые путешествуют ради получения научных знаний, и особенно заботясь о профессорах божественного и священного права, мы, руководствуясь нашим благочестием, даруем им милость... И кто не испытывает к ним сострадания, если из любви к науке они становятся изгнанниками,

изнуряют себя, сменив богатство на бедность, подвергают свою жизнь всем опасностям» [4].

Грамота 1158 г. стала своеобразным эталоном для последующих актов, которые давались другим университетам императорами и королями. Конечно, привилегии, определяемые в них, со временем становились более многочисленными, более конкретными, но идея о том, что наука принадлежит всему миру без различия наций, что собирающиеся в определенных местах учителя и ученики естественным образом образуют свои землячества, с которыми должен считаться город и его жители, стала общим местом для всех университетов. *Authentica Habita* ничего не говорит о существовании союза (университета) школяров, о существовании у них ректора, а лишь о наличии отдельных земляществ, испытывавших неудобства от города в своих занятиях наукой. Грамота императора должна была стать стимулом для развития корпоративных принципов в организации учебного дела. Она была дана пришедшим в чужой город из разных стран школярам. Им теперь нужно было сплотиться для охраны полученных привилегий, для отстаивания своих интересов от возможных посягательств со стороны горожан. Первая и главная привилегия, полученная по закону Фридриха I, — особая подсудность школяров. Вот что о ней говорит документ: «Если же кто-либо пожелает возбудить иск по какому-либо делу, разбирательство должно происходить по свободному выбору школяра, либо в присутствии его господина и учителя, либо у самого епископа города, которому мы даруем в этом случае юрисдикцию. Если же кто-либо попытается привлечь их к суду другого судьи, такой суд объявляется недействительным, даже если разбирательство происходило по всем правилам» [5].

Таким образом, грамота «*Authentica Habita*» 1158 г. говорит о том, что союза (университета) всех школяров в Болонье в это время еще не было. Существовали «высшая школа права» и землячества учащих.

В первой половине XIII в. происходит образование на базе многочисленных земляществ двух больших университетов — ультрамонтанов и цитрамонтанов. Ультрамонтаны — объединение школяров, пришедших из-за альпийских гор, цитрамонтаны — выходцы из разных городов Италии. Оба союза, оба университета распались на «провинции» или «королевства», как их называли. В 1265 г. университет ультрамонтанов состоял из 13 провинциальных союзов: галлов, пикардийцев, бургундов, выходцев из Пуату и Тура, нормандцев, каталонцев, венгров, поляков, немцев, испанцев, провансальцев, гасконцев, англичан. Цитрамонтанский университет имел в своем составе 18 «королевств». В обоих союзах господствовали юристы. Между тем, в Болонье к этому времени уже находились школяры, которые желали изучать и изучали медицину и «свободные искусства», а не право и которые находились в зависимом положении от правоведов. Поэтому, в конце концов, они образовали свой университет со своим правителем — ректором.

Статус болонских «университетов» был признан в 1217 г. папой Гонорием IV, а в 1291 г. папа Николай IV даровал всему Болонскому университетскому сообществу «право преподавать всюду». Надо подчеркнуть, что все «университеты» Болоньи были объединениями школяров, профессора в них не входили, они считались муниципальными служащими, приносящими присягу городской коммуне. Те из преподавателей, кто не принадлежал к городской коммуне, не был болонцем, находиться под управлением школяров, входя в их университеты, не могли. Они сформировали коллегия преподающих. Так возникли в формирующемся Болонском университете профессорские коллегии юристов, медиков, «артистов». Болонский вариант «университета студентов» был итальянской спецификой. В большинстве европейских стран господствующей стала парижская модель «университета магистров и студентов».

Возникновение Парижского университета, так же как и Болонского,

не одномоментное событие, которое может быть зафиксировано конкретной датой, а длительный процесс, затянувшийся на многие годы. С XII в. Париж, занимавший тогда территорию острова Ситэ на Сене, становился местом, где действовали епископальные и нецерковные школы. Репутация теологов епископальной школы при соборе Нотр-Дам была так велика, что к ним обращались за разрешением не только богословских споров, но и светских проблем, возникавших на высоком королевском уровне. Так, английский король Генрих II в конфликте с Кентерберийским архиепископом Томасом Бекетом обратился за помощью к преподавателям парижской школы при соборе. Петр Абеляр, рассказывая о своих странствиях по школам Франции, пишет: «Наконец, я прибыл в Париж, где эта область познания (диалектика) уже давно всемерно процветала, и пришел к Гильому из Шампо, действительно выдающемуся в то время магистру в этой области, который пользовался соответствующей славой. Он-то и стал моим наставником» [6].

История Абеляра, ученого и человека, которого некоторые исследователи склонны даже считать основателем Парижского университета (что безосновательно, он один из многих участников этого длительного процесса), удивительна, блестяща и трагична и требует специального рассказа. Абеляр оставил большое число философских и богословских сочинений, в том числе знаменитую автобиографию [7]. В психологически щемящем трагическом рассказе о своих жизненных невзгодах этот выдающийся ученый средневековья излагает многолетнюю историю деятельности французских школ *studium generale*, ставших основой университета. Своими блестящими способностями ученого и учителя он привлекал к себе множество учеников из разных стран Европы, открывая свои школы. Преподавание Абеляра в Париже с небольшими перерывами продолжалось с 1102 по 1136 гг. Между тем, его учитель Гильом из Шампо перебравшись на левый берег Сены, в аббатство уставных кано-

ников Св. Виктора. «Но, однако, новое одеяние, соответствующее его сану, не удалило его из Парижа и не отвлекло от привычных занятий философией, — пишет Абеляр, — в том самом монастыре, в который он удалился, дабы посвятить себя делу веры, он в тот же час, по своему обычаю, стал заниматься публичным преподаванием» [8]. Там же, на левом берегу Сены, располагалось аббатство Св. Женеьевы, которая считалась покровительницей Парижа. В начале XII в. папа даровал аббатству независимость от епископа Парижа, благодаря чему монастырь получил кроме прочих привилегий право на выдачу лицензий на преподавание. Воспользовавшись этим, Абеляр, конфликтовавший с Парижским епископом, по его словам, «раскинул свой школьный стан вне пределов Парижа — на горе Св. Женеьевы». На левый берег стали перебираться и другие преподаватели. Свою школу при монастыре открыл аббат Иоанн Солсберийский, учившийся в эти годы в Париже. Он называет более восьми школ, где преподавали «свободные искусства» и в которых учился он сам. В перерывах между учением Иоанн набирал учеников и учил сам. В течение XII в. на левом берегу Сены создавались и функционировали десятки школ, собиравших из разных мест тысячи учеников.

Жизнь магистров и школяров в условиях роста числа школ в XII в. протекала по определенной схеме: магистр открывал школу, заручившись лицензией соборного епископа или аббата монастыря Св. Женеьевы. Горожане обеспечивали всем необходимым учащих и учащихся, церковные власти гарантировали последним покровительство, поскольку магистры и школяры были клириками, то есть людьми церкви. Конфликты между школярами и горожанами на бытовой почве возникали не редко. Один из таких конфликтов в январе 1200 г. привел к появлению знаменитой грамоты Филиппа II Августа. В ходе потасовки горожан со школярами несколько школяров погибли. Епископа и канцлера в это время в городе не было, и король был вынужден

вмешаться в кровавый конфликт. Итогом разбирательства дела стал королевский ордонанс, составленный в июне 1200 г., который часто называют хартией основания Парижского университета [9]. Но это не так. Король лишь «ради безопасности школяров» выносил решение, чтобы парижане давали свидетельские показания в тех случаях, когда видели, что какому-нибудь школяру наносится ущерб светским лицом. «Мало того, такой свидетель должен был схватить злоумышленника и передать судье». Король обещал проводить расследование возникающих в таких случаях дел. «Если в результате расследования судьи придут к выводу, что задержанный виновен в преступлении, судья должен немедленно осуществить правосудие». Далее в документе говорится: «В случае нарушений со стороны школяров, королевские судьи не имеют право заключать их в свою тюрьму». Если школяр совершил тяжкое преступление, королевский судья имел право его арестовать, «не нанося побоев и передать церковному судье», то есть епископу. Епископ осуществлял судебное разбирательство через свои судебные структуры или передавал дело канцлеру. Таким образом, в руках канцлера кроме права давать лицензию на преподавание оказывалась и судебная власть над ученым человеком.

Известность школ Парижа к рубежу XII-XIII вв. была уже так значительна, а авторитет в делах теологии так велик, что папа Иннокентий III обращается к магистрам и школярам Парижа с письмом от 1205 г. «оказать помощь христианской церкви». Иннокентий III известен в истории средневекового христианства как понтифик, весьма успешно претворявший в жизнь теократическую программу папства по установлению в христианском мире верховенства духовной власти над светской, по подчинению византийской, греческой церкви римской курии. После четвертого крестового похода 1204 г., в ходе которого рыцарями-крестоносцами была разграблена христианская Византийская империя, и подвергнут страшному грабежу Кон-

стантинополь, папа приложил максимум усилий для воссоединения восточной и западной церкви под эгидой Рима. «Великая часть Восточной церкви, поистине почти вся греческая церковь, которая долгое время презрительно отказывалась следовать по стопам своей матери Римской церкви, в наше время сменила строптивость на послушание и неуважение на преданность», — пишет Иннокентий III и просит магистров Парижа отправиться «в Грецию и работать над реформой изучения Священного Писания там, откуда, как известно, оно впервые начало распространяться... Мы убедительно просим и убеждаем ваше сообщество, пусть многие из вас без колебаний отправляются в страны, полные серебра, золота, драгоценных камней, богатые пшеницей, вином, маслом для того, чтобы ради чести и славы того, кто является источником всех знаний, приносить ему пользу, получая помимо преходящих богатств и почестей как высшую награду вечную славу», — заключает письмо понтифик [10]. Любопытно в этом письменном послании обращение папы к магистрам и школярам Парижа как определенному «сообществу людей».

Следующие события в истории движения Парижских *studium generalia* к университету относятся к 1208-1209 гг. О событиях 1208-1209 гг. достаточно подробно говорит член-корреспондент РАН П.Ю. Уваров в публичной лекции, прочитанной им 12 февраля 2009 г. [11]. Из декрета Иннокентия III 1209 г., явившегося ответом на запрос парижских магистров 1208 г., известно, что магистры теологии, права и «свободных искусств» создали комиссию из восьми человек для определения правил в системе обучения. Затем они поклялись друг другу в том, что будут выполнять выработанные регламенты. Но один из магистров отказался это сделать, хотя, как отмечает документ, «*universitas magistrorum*» трижды просил его об этом. Фактически это первое известное использование термина «университет магистров». Отказника исключили из «университета» и обратились к папе за разрешением

конфликта. Иннокентий III, рассмотрев ситуацию, издал декрет с компромиссным решением: отказывавшийся приносить клятву сообществу магистров мог быть принят в университетскую коллегия ее собственным решением, уплатив предварительно штраф за упорство. Надо заметить, что ко времени перенесения дела в папскую курию магистр-бунтовщик уже выразил желание принять условия университетской коллегии. В этих событиях важен факт появления корпорации — «университета магистров», — основанной на присяге всех в нее входящих. Папское постановление 1209 г. отмечает, что «университет магистров» регламентирует учебный процесс, определяет форму одежды преподавателей, систему похорон. На вопрос о том, с чем была связана необходимость объединения магистров, П.Ю. Уваров отвечает, так. До Филиппа II Августа границы Парижа совпали с островом Ситэ. Поселения на берегах Сены считались отдельными бургами. При Филиппе II начинается строительство «Стены Филиппа Августа», которая включала по мере строительства сначала поселения правого, с 1200 по 1211 гг. и левого берега реки. Аббатство Св. Женеьевы оказалось в черте города, аббат потерял свои привилегии, в том числе право лицензии на преподавание, которое было передано епископскому канцлеру. Магистры, преподававшие в школах Ситэ и на левом берегу Сены, почувствовали себя в этих условиях жителями одного города.

Сразу после этих событий университет вступает в конфликт с епископом, точнее — с его канцлером за степень участия последнего в делах магистров и школяров, за место канцлера в университетской системе. Жалобы в Рим на злоупотребления канцлера становятся систематическими, а оппозиция ему явной. До 1212 г. не существовало акта, который бы регулировал действия канцлера при выдаче лицензий на преподавание. В 1211 г. парижские магистры обратились к папе с жалобой на то, что канцлер заключает студентов и магистров в свою тюрьму, взимает деньги за выдачу лицензий, требует от

магистров вассальной присяги. Иннокентий III был возмущен, написав, что тогда, когда он учился и преподавал в Париже, такого безобразия не было. Тут надо заметить, что, несомненно, все эти «злоупотребления» объяснялись не алчностью канцлера, а самим фактом создания университетской корпорации, фактом принесения присяги магистров друг другу. Канцлер в этих условиях терял власть над магистрами, поэтому и стал требовать от желающих преподавать присяги на верность своей власти, которая принадлежала ему по традиции. Папский легат поддержал в этих конфликтах магистров, запретив в 1213 г. канцлеру требовать присяги, взимать плату за выдачу лицензий и прибегать к аресту школяров без необходимых оснований. Самое главное заключалось в том, что канцлер теперь должен был выдавать лицензии при участии всех преподавателей теологов, юристов и комиссии из преподавателей свободных искусств. Так университет получил важнейшее университетское право присвоения ученых степеней.

Все эти изменения были зафиксированы в 1215 г. постановлением, оформленным папским легатом Робертом де Курсоном. Некоторые исследователи считают акт 1215 г. юридическим оформлением Парижского университета. В действительности о нем можно говорить только как о первом уставе университета [12]. В документе используется термин «университет» в приложении к сообществу магистров и школяров, определяется порядок преподавания и формы контроля над образовательным процессом, форма одежды магистров, организация похорон умерших. При этом речь идет о корпорации магистров и школяров. Последние тоже считались участниками университетской жизни. «Пусть никто не читает лекций по свободным искусствам, если не достиг 21 года и не прослушал, по крайней мере, в течение шести лет всех основных книг. Пусть каждый обещает, что будет учить самое меньшее в течение двух лет, если только этому не помешает серьезная причина... И он не должен запятнать

